

21. Moniquet C. *Le djihad, histoire secrète des homes et des réseaux en Europe*, Paris, Ramsay Publ., 2004. 264 p.

22. Moniquet C. *Radicalisation of muslim youth in Europe: the reality and the scale of the threat: Hearing of the Committee on international relations. Subcommittee on Europe and emerging threats. United States House of Representatives*, Washington, April 27, 2005. Available at: <http://www.investigativeproject.org/documents/testimony/302.pdf>.

23. *Muslims statistics. The Muslim council of Britain*. Available at: <http://www.mcb.org.uk/library/statistics.php>.

24. *Reporting islam a muslim communities in Europe*. Available at: <http://www.britishcouncil.org/az/Brussels-europe-british-muslims-launch.htm>.

25. *The Times: Portret musulman Velikobritanii*. Available at: www.idmedina.ru/.../4/world_chuprikov.htm.

ВЛИЯНИЕ АМЕРИКАНСКИХ «ЭКСПЕРТОКРАТИЧЕСКИХ» ИДЕЙ НА КУЛЬТУРУ И ПОЛИТИКУ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

Никандров Алексей Всеволодович, кандидат политических наук, доцент

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27
E-mail: bobbio71@mail.ru

В статье рассматриваются изменения в интеллектуально-политическом поле Западной Европы, происходившие после Второй мировой войны. Западноевропейские интеллектуалы обрели к этому времени колоссальное влияние на политику. Это не устраивало американские политические элиты, разрабатывающие планы установления полного контроля не только над экономикой и политикой Западной Европы, но и расширения и усиления американского присутствия в культуре Западной Европы, прежде всего, в Италии и Франции. В статье анализируются методы, с помощью которых американские идеологи намеревались устранить из политики Западной Европы фактор воздействия интеллектуалов на политические процессы и решения.

Ключевые слова: интеллектуалы, политика и культура, эксперты, экспертократия, американизм, идеология, конец идеологии, идеологи и эксперты

THE INFLUENCE OF AMERICAN IDEAS OF EXPERTOCRACY IN CULTURE AND POLITICS OF WESTERN EUROPE

Nikandrov Aleksey V., Ph.D. (Political Sciences), Associate Professor

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, 27 Lomonosovskiy ave., Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: bobbio71@mail.ru

The article discusses the changes in intellectual and politics field in Western Europe, which took place after the Second World War. Western European intellectuals gained by this time an anormous impact on politics, which did not suit the American political tlite, to develop plans to establish full control not only over the economy and politics of Western Europe, but also to expand and strengthen the USA presence in the culture of Western Europe, eshecially in Italy and France. The article analyzes the ways in which American ideologists intended to eliminate from politics in Western Europe impact factor intellectuals on political processes and dtcisions.

Keywords: intellectuals, politics and culture, experts, expertocracy, Americanism, ideology, end of ideology, ideologists and experts

В первой половине XX в. только в двух странах Западной Европы интеллектуалы стали политической силой. И в своем влиянии на политику в определенные моменты истории этих стран достигли если и не политического могущества, то во всяком случае

заставили о себе говорить как о протагонистах культуры и политики, с которыми необходимо считаться. Эти страны – Франция и Италия, интеллектуалы которых стали неотъемлемой и активной частью гражданского общества. Вследствие массовости *движения интеллектуалов* (факт массовости констатирован впервые Жоржем Клемансо, он же первым употребил слово *intellectuels*, как и слово «движение» по отношению к интеллектуалам) «новая политическая волна» (рожденная «бурей Дрейфуса», если следовать метафоре Ромена Роллана) оказала влияние на многие страны Европы, предоставив интеллигенции пример активных выступлений в виде самостоятельной силы, не связанной с партиями и властью. Выступая в политике в качестве представителей гражданского общества, интеллектуалы наделялись полномочиями критики власти и ее решений, вмешательства в политические события, правом выдвижения требований и ультиматумов к власти, предъявляемых от имени широких слоев интеллигенции и общественности. Все это обусловило большой эффект, произведенный интеллектуалами как в плане влияния на общественное мнение, так и (правда, в меньшей степени) на решения власти. В определенные моменты политической жизни Франции и Италии интеллектуалы становились протагонистами гражданского общества, – именно благодаря своей политической и дискуссионно-политической активности.

После окончания Второй мировой войны интеллектуалы Франции и Италии, как группа, обладающая не подлежащим сомнению политическим влиянием, престижем («излучающая престиж», как сказал бы Антонио Грамши), – сама становится объектом воздействия политиков, партий и движений, которые стали бороться за влияние на интеллектуалов, пытаясь перетянуть их в область своего воздействия, включить их в поле собственного «притяжения». Так, особую программу расширения интеллектуального присутствия выдвинули после войны итальянские коммунисты, добившись на этом поприще немалых успехов. Немалый успех обрела здесь и Французская компартия. С другой стороны, вся эта западноевропейская интеллектуально-политическая активность была совершенно не в русле надвигающейся американизации Западной Европы: в планы американских стратегов не входили такие «политические параметры», как влияние на политику независимых и вечно спорящих друг с другом и с политиками интеллектуалов, бурные дискуссии, полемические противостояния и т.п. Таким образом, если коммунисты включились в борьбу за влияние на интеллектуалов (как и на культуру в целом) с целью достижения «культурной гегемонии», то целью американских идеологов была ликвидация политического статуса интеллектуалов, исключение их из политики. Что же касается западноевропейской культуры, – во всем ее многообразии, – то и она, согласно планам атлантистов, должна в наибольшей по возможности степени уподобиться американской.

Распространение влияния атлантизма в Западной Европе после Второй мировой войны – это широкий процесс, охватывающий все сферы жизни западноевропейского общества: экономику, политику, культуру. Облекая себя в тогу «спасителя» Западной Европы от коммунизма и от «враждебного» СССР, Америка стремилась навязать ей, говоря просто, *все что можно – везде где можно* – из своих идей и практик. Так что в идеале (и он был во многом воплощен в жизнь) Западная Европа должна стать чем-то вроде филиала США (во всех смыслах). А.С. Панарин говорил об этом «культурном похищении» Европы так: «Континентальной Европе угрожало растворение в англо-американской системе, утрата многообразия и культурной самобытности. Американизация Европы – это не только геополитическая зависимость, но и культурный униформизм, растворение в обезличенной духовной индустрии, скроенной по меркам примитивного массового общества» [6, с. 370]. О склонности американцев навязывать свои идеи, представления и принципы говорил и Ромен Роллан, предупреждая еще в 1926 г. об опасности «привычки» Америки навязывать себя, – причем опасность эта действительно для всего мира, а не только для Европы: «Американец считает, будто бы все, что правильно, что хорошо для него, должно быть так же пра-

вильно и хорошо для всех других народов земного шара; а если народы с этим не согласны, то ошибаются, мол, они, – Америка якобы имеет право навязывать им свое мнение, в интересах всего мира и в их собственных интересах. Подобные взгляды порождают стремление к завоеванию мира, прикрытое фальшивым морализированием, которое (быть может бессознательно) восходит к алчному животному инстинкту власти над другими народами» [8, с. 133–134].

Идеология атлантизма, связанная с политической практикой, расширяла свое присутствие в Западной Европе, усиливая воздействие в сфере политической мысли и культуре, стремясь подчинить континентальную науку и культуру своим установкам и императивам. С одной стороны, американским идеологам, политическим теоретикам и практикам необходимо было внедрить в общественно-политическую мысль определенные паттерны идеолого-политического плана, призванные в конечном счете стать парадигмальными установками для всей западноевропейской культуры в ее целостности, – начертать своего рода «генеральную линию» дальнейшего развития западноевропейской мысли, и прежде всего – мысли политической. С другой стороны, добиться исполнения этого наказа, сделанного Америкой, очутившейся в эйфории «американского века», самой же себе, было труднопредставимо без «расчищения» идейного поля от ряда собственно европейских идей и принципов, равно как и без дискредитации определенных сил и групп, эти идеи и принципы генерировавших, осуществлявших и воплощавших. Одной из таких социальных групп и были западноевропейские интеллектуалы. Свобода интеллектуала, автономия культуры, понимаемая совершенно по-разному *ангажированность*, неуправляемость, – все эти характерные черты «беспокойного племени» (причем в этом выражении слово «племя» обозначает многочисленность интеллектуалов) интеллектуалов были неприемлемы для «вождей атлантизма», для атлантизма как единства идеологии и политической практики. Поэтому со стороны американских разработчиков «генеральной линии» была выдвинута своего рода «установка» на «замену» интеллектуалов – экспертами, сведение интеллектуала к эксперту, навязывание интеллектуалам роли экспертов, им не свойственной и для них непонятной.

Эксперты – как бы мы их себе ни представляли, – по определению не обладают четко формулируемой ролью в политике; также и автономия, свобода по отношению к экспертам не являются сущностными моментами их социального бытия, но скорее – приводящими обстоятельствами. Если интеллектуал – «человек культуры», который выдвигает себя сам, совершая свободный выбор и принимая ответственность за свои политические высказывания и действия (во всяком случае, так в идеале), то эксперт привлекается для того, чтобы дать какие-либо оценки, рекомендации, решить какие-либо задачи, поставленные не им лично, не вследствие своего свободного выбора. Универсализм интеллектуалов трактуется идеологами атлантизма как волонтаризм, тогда как за экспертом по определению закрепляются профессионализм, компетентность и «неангажированность». Хотя при этом нет ничего, что бы мешало эксперту быть заинтересованным в результате своих оценок. Так, модель «эксперты вместо интеллектуалов» была, к сожалению, во многом удачной попыткой дезавуировать независимые мнения, идеи и концепции. И дело тут не столько в праве и обязанности интеллектуалов «говорить правду», раскрывать обществу истину, сколько в самом способе их общественного бытия, в их критической роли по отношению к политике. В самом деле, возможно ли было допустить существование влиятельной и независимой группы, выносящей на суд общественного мнения собственные, не согласованные с «генеральной линией» вердикты, ставящей задачей «сеять сомнения» (Н. Боббио). И это тогда, когда «американский мессианизм» только начал утверждаться в Европе именно в качестве истины, за которой не надо было охотиться, поскольку она *провозглашена*; догмы, не терпящей никаких сомнений.

Возвышение «новой меритократии» в США к началу 40-х гг. XX в. было несомненным фактом: в работах ученых-политологов и философов понятие *эксперта*

занимает важное место. Так, что несколько позже американский социолог Б. Беквит доведет концепцию экспертов до логического конца, объявив, что на высших стадиях политической эволюции демократия будет заменена *эксперттократией*, *правление экспертов* в постдемократическую эпоху будет осуществлением высшей эффективности власти; и это будет уже не власть, основанная на отношениях собственности, но власть, целиком построенная на рациональности. В своей книге «Правление экспертов. Следующая стадия политической эволюции» (1972) Беквит утверждает, что «в передовых странах на смену демократическим формам правления неизбежно придет правительство экспертов» [4, с. 153].

Критик маккартизма, американский политический публицист Лео Гурко в 50-х гг. XX в. констатирует необычайную веру к специалистам и экспертам в США, базирующуюся на бегстве американцев от своего «я», отказе думать самим над проблемами любого рода, реконструируя истоки этой «слепой веры» и «неограниченного, безоговорочного доверия» к экспертам в Америке: «Необычайная специализация, сопровождавшая рост научных и технических знаний, разбивала жизненные явления на все меньшие и меньшие участки и придавала руководителю каждого такого участка все большее значение. Со временем такой руководитель превратился в профессионального эксперта, который благодаря своим исчерпывающим знаниям в одной специальной области (часто при полном невежестве во всех остальных) стал своего рода посредником между этой отраслью знаний и широкой публикой. <...> Доверие к эксперту – это нечто большее, чем просто характерное явление нашего сложного века. Оно необычайно возросло из-за нашего нежелания думать самим и брать на себя ответственность за то, что происходит вокруг нас» [3, с. 233]. «Принцип навязывания собственных принципов», который стал базовым для Америки, требовал распространения «экспертизма» (вкупе со многими другими «установками» и «ценностями») в Западной Европе.

Послевоенное доминирование Америки в социально-политических теориях является несомненным. Теории, связанные с технократизмом и эксперттократией, развиваются и в Европе, причем развиваются под влиянием американских концепций. Важнейшим из симптомов «наступления постиндустриального общества» стал пересмотр многими выдающимися учеными-политологами роли идеологии в обществе и политике. Спустя около десяти лет после окончания Второй мировой войны в англосаксонском интеллектуальном мире вступила в силу парадигма деидеологизации индустриального общества и конца идеологий, ставшая, собственно, одним из идеологических направлений, то есть идеологией некоторых партий и политиков англосаксонского мира, в основном правоконсервативной политической ориентации. Среди интеллектуалов, принявших концепцию конца идеологии, – Д. Белл, Р. Арон, С.М. Липсет и Э. Шилз. К деидеологическому движению принадлежали также Збигнев Бжезинский и Ральф Дарендорф. «Деидеологизация», как и «экспертизация», будучи своего рода идеологическим направлением в интеллектуально-политической сфере, была направлена не только и не столько против левых интеллектуалов, принадлежащих или симпатизирующих марксизму, сколько против интеллектуалов как таковых, – как социальной группы, стоящей на пути идеологов и практиков атлантизма. Коммунизм как воплощение вселенского зла – эта мифологема была частью ложной дилеммы «американизация Европы или ее завоевание Советским Союзом», и эти интеллектуально-политические американские разработки были направлены против всей западной интеллектуальной традиции, против европейского разума как такового, не говоря уж об интеллектуалах как особой социальной группе, о западных политических мыслителях и т.д. Все, что не было похоже и не согласовывалось с атлантизмом, должно быть ликвидировано. «"Американоцентристские" идеологи... пытаются присвоить себе право стать непрощенными "избавителями" от зла, под которым понимается все, что не отвечает американскому идеологическому и политическому шаблону»

ну. Их стратегические расчеты направлены на воплощение долгосрочной программы миропорядка по американским идеологическим стандартам» [7, с. 106].

Какие же методы использовали атлантисты для достижения того, что начиная примерно с 60-х гг. XX в. стали называть «исчезновение», «утрата силы», «закат», – а то и «смерть» – интеллектуалов. С одной стороны, интеллектуалы «заменяются» экспертами, или скорее им навязывается эта новая роль. С другой, – «возникает» некая странная группа как бы внутри интеллектуалов, – «идеологи». Возникает эта «группа» скорее в ряде работ, посвященных интеллектуалам, нежели в самой среде интеллектуалов, вовсе не намеревавшейся «разделиться» на экспертов и идеологов. Ясно, что такое «разделение» – не какой-то объективный процесс, вытекающий из логики развития интеллектуалов как особой группы, выполняющей особую роль в политике, но скорее нечто привнесенное, нечто вроде импульса извне, не имеющего отношения непосредственно ни к сущности, ни к существованию «бывших» интеллектуалов.

Разделение интеллектуалов на экспертов и идеологов в связи с переходом к постиндустриальному, или информационному обществу (или же, как некогда было принято говорить, к «когнитивному капитализму») было «введено» разными исследователями в конце 60-х гг. XX в. Американский историк Р. Хофстедтер в своем эссе «Антиинтеллектуализм в американской жизни» (1963), опираясь на наблюдения 50-х гг. XX в., отстаивал тезис, что в области политики *антиинтеллектуализм* базируется на возрастании роли специализированного знания, обладателями которого являются интеллектуалы-эксперты. Роль же интеллектуала-идеолога постепенно сводится к чистому теоретизированию, к «витанию в облаках»: хотя и эксперты иногда могут чрезмерно «увлекаться» идеологией, но логика развития общества такова, что превалирующее значение они играют в качестве экспертов-профессионалов; при этом, что необходимо еще раз подчеркнуть, – профессионалов, *привлекаемых* для выполнения поставленных задач, а не интеллектуалов, по своей воле и в соответствии со своими принципами занимающихся политической публицистикой, критикой и т.д. Отсюда же и разделение на идеологов и экспертов: разделение интеллектуалов (по любому признаку и на любых основаниях – важен сам факт разделения), довольно искусственное, служило снижению их роли, способствовало их «угасанию». Так, Томас Молнер, европейский ученый, католический мыслитель, после войны живший и работавший в США, в своей книге «Закат интеллектуалов» (1961) утверждал, что интеллектуалы и есть идеологи; правда, практически всегда – идеологи враждующие. Роль этой вражды непомерно преувеличивалась Молнером, видевшим в любой полемике и дискуссиях исключительно противостояние, – то, что и хотелось ему видеть. Роль интеллектуалов в истории общества в качестве идеологов исчерпывается к середине XX в. в связи с наступлением новой модели интеллектуальных отношений – профессионалов-экспертов, не связанных с идеологией. Как с течением прогресса культура постепенно освобождается от влияния политики, так и политика освобождается от влияния идеологии, – утверждал Молнер, не задавая вопрос: «От какой конкретно идеологии?».

Томас Малдонадо, аргентинский философ и публицист, называя универсальных, политически ангажированных интеллектуалов «интеллектуалы-жрецы», в своей книге об интеллектуалах второй половины XX в. «Что такое интеллектуал? Приключения и злключения одной роли» говорит: «Если призвание этих людей было, в сущности, одним и тем же, – призвание расходиться во мнениях и мыслить различным образом, – то идеалы, начертанные на знаменах, которые они возносили, не были одними и теми же, – как и мишени их протеста» [10, р. 25]. Такое состояние сущностного интеллектуального разногласия он называет *гетеродоксией*.

Многочисленные дискуссии об интеллектуалах и их политической роли, открывшиеся в западноевропейских странах в середине 70-х гг. XX в., свидетельствовали об усилении интереса к этой проблеме. Причем если французская интеллектуально-политическая мысль находилась под влиянием теорий «утраченных иллюзий» и «конца интеллектуалов». Так, У. Дюваль приводит в качестве примера

работу А. Финкелькраута «Побежденная мысль» (1987). По словам У. Дювала, Финкелькраут «заключает, что интеллектуальная жизнь сошла на нет, а место вердиктов, выносимых интеллектуалами, заняли проблематизации» [5, с. 347].

Итальянская политическая мысль в отношении «ожиданий конца эпохи интеллектуалов» была намного скептичнее французских алармистских настроений и, соответственно, в большей степени оптимистична и конструктивна. В 1977 г. появляется статья известного политического мыслителя Италии, в середине 50-х гг. поставившего в работе «Политика и культура» (1955) проблему политической роли интеллектуалов в западноевропейском обществе, – Норберто Боббио «Интеллектуалы и власть», – на основе его доклада на конференции «Партии и культуры», проводимой под эгидой Итальянской социалистической партии в Милане в 1977 г. В 1979 г. ученый публикует в итальянской «Энциклопедии XX века» статью «Интеллектуалы», результирующую его размышления с 50-х гг. и показывающую то новое, что Н. Боббио внес в концепцию интеллектуалов на основании своего политического опыта, а также изучения работ других ученых по этой теме. Боббио обозначает свое скептическое отношение к теориям «исчезновения интеллектуалов», распространившимся к тому времени во Франции. Не менее скептическое отношение выражается философом и по проблеме представления интеллектуалов как однородного класса. У этого «класса» не было никогда своей партии: при том, что некоторое время действовали «партии интеллектуалов», не существовало партий, представляющих интеллектуалов, так как у них не было (да и не могло быть) «единого доктринального корпуса», свода доктрин [9, р. 800]. Здесь целесообразно вновь обратиться к выводам Т. Молнера, который считал интеллектуалов идеологами по преимуществу, но идеологами, всегда враждовавшими между собой в отношении идей.

Постоянная полемика интеллектуалов, принадлежащих к различным политическим и философским лагерям, имеет силу, – говорит Н. Боббио, – также и в области их самоопределения: разные группы имеют совершенно разные представления относительно определения природы и статуса интеллектуалов. Поэтому в работах конца 70-х гг. ХХ в. Боббио пытается определить эти параметры и обосновать выдвигаемую дихотомию интеллектуалов исходя из отношения их к власти (интеллектуалы-идеологи и интеллектуалы-эксперты). Это вполне логичный ход: если «старые» интеллектуалы (идеологи, или, по Фуко, «универсальные интеллектуалы») удаляются от власти (и не в последнюю очередь в связи с понижением представительской роли партий в информационном обществе), то обретающие силу и влияние эксперты повышают свой статус в отношении власти и стремятся к консолидации в качестве нового правящего класса (таковы, во всяком случае, интенции, приписываемые «новой элите» многими исследователями). Однако от Боббио-автора «Политики и культуры» все же сложно было даже в конце 70-х гг. ожидать разделения интеллектуалов, – «класса», и без этого весьма далекого от единства почти в любом смысле (кроме как по принадлежности к культуре, и пафосом такого объединяющего момента проникнута «Политика и культура»). Тем не менее Боббио разделяет интеллектуалов на интеллектуалов-идеологов и интеллектуалов-экспертов. Эта дихотомия у Боббио имеет необходимый характер, представляется как своего рода следствие исторического развития западноевропейской модели «интеллектуалы – политика». «Каждое политическое действие, – формулирует Боббио, – поскольку является или претендует быть действием рациональным, нуждается в общих идеях относительно преследуемой цели, – их я назову принципами, но здесь можно также использовать понятия “ценности”, “идеальности”, “видения мира”; и в научных и специальных знаниях, необходимых для достижения поставленных целей. Под “идеологами” я подразумеваю тех, кто поставяет руководящие принципы; под “экспертами” – тех, кто поставяет знания-средства. Различие между одними и другими может быть интерпретировано посредством веберовского различения рациональных действий относительно ценностей и относительно целей. Идеологи – это те, кто вырабатывает принципы, на основании которых действие называется рациональным, поскольку соответствует определенным

ценностям, предоставленным как цели, которые необходимо достичь; эксперты же – это те, кто, предоставляя знания, наиболее требуемые для достижения поставленной цели, способствуют тому, чтобы необходимое действие могло быть рациональным относительно цели» [9, р. 801]. Из этой новой дефиниции интеллектуалов, разделяющей прежних «универсальных» людей культуры на две группы (и это разделение уже представляется у Боббио, как уже было сказано, фатальным, неизбежным, – и неоспоримым), можно сделать некоторые выводы относительно их новой политической роли. Собственно, очевидно, что таковой *могут* обладать лишь те, кого Боббио именует идеологами: не пренебрегая помощью экспертов, дабы не впасть в утопизм, идеологи не оставляют без своей «опеки» самих экспертов, уберегая интеллектуальный мир от господства чистого техницизма.

Определив *новую дихотомию* интеллектуалов, Н. Боббио, как и следовало от него ожидать, связывает два понятия – идеологи и эксперты – с историей и логикой развития самого понятия «интеллектуаль»: «Различие между идеологами и экспертами может быть проиллюстрировано двумя книгами, которые для данного случая являются «установочными»: "Предательство клерков" Ж. Бенда и "Новые мандарины" Н. Хомского. Интеллектуалы-предатели, о которых говорит Бенда, – это идеологи (в особенности доктринеры из Аксьон франсез); интеллектуалы, на которых ссылается Хомский, – это эксперты (в особенности социологи и ученые, которые своей деятельностью способствовали развитию и эскалации военного конфликта во Вьетнаме). Идеологи Ж. Бенда обвиняются в измене принципам истины и справедливости, мандарины Хомского обвиняются в предоставлении своих способностей на службу несправедливой и разрушительной власти» [9, р. 801]. Тезисы Н. Хомского показывают роль интеллектуалов-экспертов в политике, иллюстрируя их положение «советников правителей»: как отмечает Боббио в статье 1977 г., «с тех пор как государство стало вмешиваться во все сферы жизни, в частности в экономические и социальные отношения, необходимость технических познаний резко возросла» [1, с. 549]. Если идеологи заняты выработкой принципов, которые «соответствуют ценностям, избранным как руководство к действию» [1, с. 550], а эксперты озабочены технической стороной вопроса (Н. Боббио говорит так: «У идеологов акцент – на цели, а у экспертов – на средства» [1, с. 550]), то вопросы политической роли интеллектуалов, казалось бы, относятся к двум этим их типам. Именно поэтому Боббио приводит в качестве установочных по данному вопросу работы Жюльена Бенда и Ноама Хомского; более того, новая дихотомия интеллектуалов актуализирует идеи Бенда и придает значимость критике Хомского. Обязанность интеллектуалов говорить правду и обличать ложь политиков остается в силе. Причем эксперты-техники не освобождаются от нее, так как «в идеологическом диспуте проблема целей обычно неотделима от проблемы средств, так же как и в технической дискуссии проблема средств не отделяется от споров о цели» [1, с. 550–551].

Но при всем этом само разделение интеллектуалов на идеологов и экспертов, проводимое Н. Боббио, объективно служит «отзыву» их политической роли, будучи моделью, в высшей степени чуждой западноевропейскому образу и стилю политического поведения интеллектуалов. Эта модель «разделенного интеллектуала» – американская по преимуществу. И здесь следует обратиться к определениям и размышлениям об американских «идеологах и экспертах» (они же – «интеллектуалы от политики») Ф.Г. Войтоловского, исследующего идеологию атлантизма, которая, как и любая другая идеология, по его мнению, «является мотивационной основой и одновременно одним из важных инструментов, с помощью которого политические элиты могут проводить свои политические интересы через другие области деятельности, на первый взгляд, не связанные с политикой» [2, с. 43]. Апеллируя к американским политико-идеологическим моделям, Ф.Г. Войтоловский утверждает, что «внутри политической элиты любого сложного социального субъекта существует особая группа – экспертно-идеологическое сообщество, – состоящая из двух взаимосвязанных частей. Это *идеологи и эксперты*. <...> Задача идеологов – выдвигать идеологические по своей природе и политико-психологическим функциям стратегии, формулировать

целесолагание субъекта, обозначать долгосрочные цели его деятельности и развития» [2, с. 42]. Как видно, определение идеологов, данное Войтоловским на основе изучения идеологических императивов атлантизма, схоже с определением Боббио, – и это не удивительно, ведь Боббио в конце 70-х гг. XX в., преследуя вполне благородную цель «спасения» интеллектуалов от «исчезновения», не вполне осознанно пытался продвинуть американскую интеллектуально-политическую модель, – и такой метод – использовать оружие врага для защиты от навязанных им же моделей – в определенной степени был оправдан в обстановке снижения политической роли интеллектуалов. Также и определения роли экспертов весьма схожи: по Войтоловскому, основная задача экспертов состоит в том, чтобы предложить практические рецепты достижения тех целей, которые до этого были поставлены идеологами. «Плотная привязка к решению практических общественно-политических задач, – продолжает свое определение экспертов Ф.Г. Войтоловский, – позволяет отделить экспертов от идеологов, которые, как правило, формулируют более долгосрочные стратегии общего, установочного характера» [2, с. 42–43]. Но кто конкретно эти идеологи и эксперты? Ясно, что Боббио не пытается даже и поставить такой вопрос, хотя его отсылки к Хомскому как идейному противнику атлантизма могут быть расценены как намек на ответ. У Войтоловского же мы находим конкретные ответы и вполне конкретного «организатора», стоящего за «экспертно-идеологическим сообществом»: «Первые структуры организации научно-идеологического сообщества, как государственные, так и негосударственные, появились в Великобритании и США еще на пороге XX в., а после Второй мировой войны они начали создаваться по всему миру. Эти структуры стали институциональной основой производства политических идей: как стратегий долгосрочного характера, так и концепций краткосрочного применения, передачи мнений и позиций научно-экспертного сообщества политическому истеблишменту... Их функциями стало не только управление работой экспертов, ее организация, ориентация их деятельности на решение прикладных политических задач, но и распространение идей, пропаганда» [2, с. 46]. Эта модель политико-идеологического целесолагания одержала, к сожалению, убедительную победу над западноевропейскими идеями и их политическими воплощениями в сфере идеологии. Так что, констатирует Г.Ф. Войтоловский, дело к началу XXI в. дошло до того, что «именно негосударственные научно-аналитические и экспертно-идеологические структуры, так называемые "мозговые тресты", "фабрики мысли" или "мыслительные центры" (think tanks), играют все более заметную роль не только в формировании идеологических компонентов внешней политики США и ведущих государств Западной Европы, но и в мировых идейно-политических процессах. Их роль бывает даже более значительной, чем государственных служб подобного рода» [2, с. 46–47]. Означает ли это уход интеллектуалов с политической сцены? Как представляется, на сегодняшний день интеллектуалы активны и сильны; есть и многие важные задачи и цели, связывающие их воедино (при всей разобщенности и при всей «незаметности» в современных новостях), вытекающие из ряда конститутивных черт интеллектуалов. Более того: модель «интеллектуалы – политически активная часть интеллигенции, важнейший актор гражданского общества» не только не устарела (и уж тем более не распалась, самоликвидировалась), но действенна и даже не исчерпала всех своих возможностей. Несмотря на некоторое ослабление своего действия, модель может и должна активизироваться, так как является потенциально продуктивной в сфере не только политической критики и аналитики, но и политических решений, проектов, стратегий.

Список литературы

1. Боббио Н. Интеллектуалы и власть / Н. Боббио // Антология мировой политической мысли : в 5-ти тт. / ред.-сост. Г. К. Ашин, Е. Г. Морозова. – Москва : Мысль, 1997. – Т. 2. Зарубежная политическая мысль. XX век. – 830 с.
2. Войтоловский Ф. Г. Единство и разобщенность Запада: Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка. 1940–2000-е годы / Ф. Г. Войтоловский. – Москва : Крафт+, 2007. – 464 с.

3. Гурко Л. Кризис американского духа / Л. Гурко. – Москва : Иностранная литература, 1958. – 309 с.
4. Деменчонок Э. В. Современная технократическая идеология в США / Э. В. Деменчонок. – Москва : Наука, 1984. – 240 с.
5. Дюваль У. Утраченные иллюзии: Интеллектуал во Франции / У. Дюваль // Республика словесности. Франция в мировой интеллектуальной культуре / отв. ред. С. Н. Зенкин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2005. – С. 337–349.
6. Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке / А. С. Панарин. – Москва : Логос, 1998. – 389 с.
7. Петров Д. Б. «Американизм»: идеологический ракурс. Исследования классовых функций идеологической стратегии США (60–70-е годы) / Д. Б. Петров. – Москва : Мысль, 1980. – 165 с.
8. Роллан Р. Предупреждение Америке / Р. Роллан // Собрание сочинений в 14-ти тт. : пер. с фр. / пер. И.И. Анисимова. – Москва : Гослитиздат, 1958. – Т. 13. Публицистика (1917–1939). – 512 с.
9. Bobbio N. Intellettuali / N. Bobbio // Enciclopedia del Novecento. – Roma, 1979. – Vol. III.
10. Maldonado T. Che cos'è un intellettuale? Avventure e disavventure di un ruolo / T. Maldonado. – Milano, 1995.

References

1. Bobbio N. Intellettuali i vlast [Intellectuals and power]. *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli* [Anthology of World Political Thought], Moscow, Mysl Publ., 1997, vol. 2. Foreign Political Thought. XX centuries. 830 p.
2. Voytolovskiy F. G. *Yedinstvo i razobshchennost Zapada: Ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoy Yevropy transformatsiy politicheskogo miroporyadka. 1940–2000-e gody* [Unity and disunity of the West: The ideological reflection in the minds of the elite US and European political transformation of the world order], Moscow, Kraft+ Publ., 2007. 464 p.
3. Gurko L. *Krizis amerikanskogo dukha* [Crisis of the American spirit], Moscow, Inostrannaya literature Publ., 1958. 309 p.
4. Demenchonok E. V. *Sovremennaya tekhnokraticeskaya ideologiya v SShA* [The modern technocratic ideology in the United States], Moscow, Nauka Publ., 1984. 240 p.
5. Dyuvall U. Utrachennyye illyuzii: Intellektual vo Frantsii [Lost Illusions: An intellectual in France]. *Respublika slovesnosti. Frantsiya v mirovoy intellektualnoy kulture* [Republic of Letters. France in the world of intellectual culture], Moscow, Noye literaturnoe obozrenie Publ., 2005, pp. 337–349.
6. Panarin A. S. *Revansh istorii: rossiyskaya strategicheskaya initsiativa v XXI veke* [Revenge of History: Russian Strategic Initiative in the XXI century], Moscow, Logos Publ., 1998. 389 p.
7. Petrov D. B. «Amerikanizm»: ideologicheskyy rakurs. *Issledovaniya klassovykh funktsiy ideologicheskoy strategii SShA (60–70-e gody)* ["Americanism": an ideological perspective. Studies class functions ideological strategy of the USA (60–70 years)], Moscow, Mysl Publ., 1980. 165 p.
8. Rollan R. *Preduprezhdenie Amerike* [Warning America]. *Sobranie sochineniy* [Collected Works], Moscow, Goslitizdat Publ., 1958, vol. 13. Publicistics (1917–1939). 512 p.
9. Bobbio N. Intellettuali. *Enciclopedia del Novecento*, Roma, 1979, vol. III.
10. Maldonado T. *Che cos'è un intellettuale? Avventure e disavventure di un ruolo*, Milano, 1995.